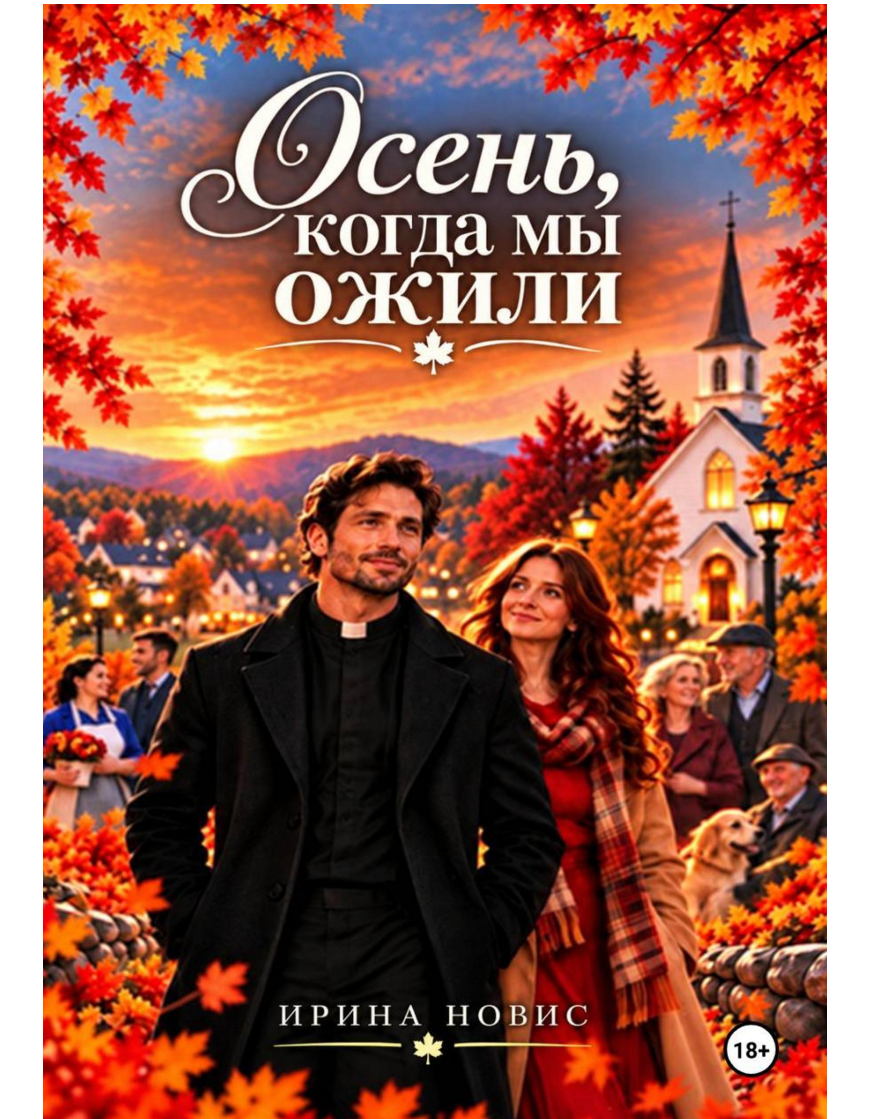

Осень, когда мы ОЖИЛИ

ИРИНА НОВИС

18+

Ирина Новис

Осень, когда мы ожили

<https://litres.ru/74593483>

SelfPub; 2026

Аннотация

В маленьком городке, залитом осенним светом, привычные жизни начинают меняться — тихо и совершенно неожиданно.

Пока отец Дэниел учится прислушиваться к собственному сердцу, люди вокруг него заново открывают для себя любовь, смех и смелость начать всё сначала. Каждый из них хранит что-то невысказанное: забытые надежды, отложенные мечты, одиночество, спрятанное за повседневной суетой, и простое желание снова почувствовать себя по-настоящему живым.

Тёплая, искренняя и наполненная мягким юмором, «Осень, когда мы ожили» — это история о человеческой близости, вторых шансах и тех маленьких прекрасных вещах, благодаря которым жизнь становится по-настоящему ценной. Нужно лишь иногда замедлиться, чтобы суметь их заметить.

Ирина Новис

Осень, когда мы ожили

Оглавление

Глава 1. Город, в котором люди жили не торопясь 1

Глава 2. Звезда города 6

Глава 3. Люди, которые начинали новую жизнь с понедельника 15

Глава 4. Знакомство с жителями городка 21

Глава 5. Тайные беседы 32

Глава 6. Первая встреча 43

Глава 7. История Эмили 49

Глава 8. Принятие судьбоносного решения 54

Глава 9. Весёлая служба 60

Глава 10. Когда не до смеха 72

Глава 11. Тёплый разговор 77

Глава 12. Люди понемногу возвращались к себе 83

Глава 13. Особый случай 92

Глава 14. Дурной пример заразителен 106

Глава 15. Жизнь без великих планов 113

Глава 16. У любви тоже бывает усталость 117

Глава 17. Любовь приходит, не спрашивая возраст 121

Глава 18. Служба без смеха 127

Глава 19. Человек, который забыл, что значит радость 132

Глава 20. Письмо, которое всё изменило 138

Глава 21. Кафе с Эмили 149

Глава 22. Свадьба мистера Хиггинса, на которой никто не собирался стареть 161

Глава 23. Выступление 172

Глава 24. Второе письмо 192

Глава 25. Вечер без правильных ответов 202

Глава 26. Семь минут 214

Глава 27. Рождество и новая жизнь 222

Глава 1

Город, в котором люди жили не торопясь

Гринвуд был одним из тех маленьких американских городков, которые редко попадают на карты туристических маршрутов, потому что в них будто бы ничего не происходит, но люди, однажды здесь оказавшиеся, неожиданно для самих себя начинали скучать по нему спустя всего несколько дней отсутствия. Он не пытался впечатлять, не стремился казаться современным и модным, не гнался за шумной жизнью больших городов, где люди так торопятся жить, словно боятся опоздать к какому-то значимому событию. Гринвуд существовал иначе. Он жил медленно, спокойно и с какой-то почти старомодной заботой о жителях города.

Город был расположен среди невысоких холмов, старых кленов и бесконечно зеленых газонов. Узкие улочки плавно изгибались между аккуратными домами, каждый из которых был по-своему похож на своего хозяина. Где-то крыльцо уто-

пало в цветах и говорило о мягкости и хозяйственности живущей там женщины, где-то краска на ставнях давно облупилась, но на ступеньках неизменно стояла свежая кружка кофе, оставленная человеком, привыкшим встречать утро в тишине. Некоторые дома были скромными и почти неприметными, но при этом настолько ухоженными, что сразу становилось понятно: люди здесь умеют любить даже самые простые вещи.

Особенной гордостью жителей Гринвуда были газоны. Казалось, что уход за ними являлся не столько бытовой обязанностью, сколько частью местной культуры и даже предметом тихого соревнования между соседями. Мужчины по субботам старательно подстригали траву, а женщины протирали окна и поливали клумбы с цветами, одновременно наблюдая за жизнью улицы и незаметно собирая последние новости. В Гринвуде вообще существовала удивительная способность знать о жизни соседей почти всё, при этом делая вид, что чужая жизнь никого не касается. Люди здесь никогда не называли это любопытством или сплетнями. Они предпочитали это называть заботой о другом человеке.

По утрам город просыпался медленно и очень красиво. Сначала на улицах появлялись пожилые мужчины в клетчатых рубашках, которые долго стояли у почтовых ящиков, а затем заносили газеты домой. Затем открывалась пекарня, и весь Гринвуд постепенно наполнялся запахом корицы, теплого хлеба и яблочных пирогов. Этот аромат был настолько

привычной частью жизни города, что местные жители, уезжая куда-нибудь надолго, признавались, что больше всего скучают не по людям и даже не по своим домам, а именно по запаху утренней выпечки, смешанному с прохладным осенним воздухом.

Осень вообще была любимым временем года в Гринвуде. В этот период город словно становился мягче и теплее. Клены окрашивали улицы в густые оттенки красного, медного и золотого цветов, фонари загорались чуть раньше обычного, а люди всё чаще задерживались на верандах с чашками чая или кофе, укутываясь в пледы и наблюдая за тем, как ветер медленно носит листья вдоль тротуаров. В такие вечера Гринвуд выглядел очень уютным. И всё же за этой внешней красотой скрывались те же человеческие переживания, что и везде: одиночество, страх старости, усталость от брака, сожаления о несбывшихся мечтах и бесконечное желание быть нужным хоть кому-нибудь.

Жители Гринвуда были людьми приветливыми, но осторожными. Они охотно улыбались друг другу на улице, интересовались здоровьем соседей и приносили пироги заболевшим, однако почти каждый носил внутри свою маленькую тайну, о которой предпочитал молчать даже перед самыми близкими людьми. Возможно, именно поэтому город так любил церковь. Не только из-за веры, хотя вера здесь действительно занимала важное место в жизни многих семей, а потому что церковь была единственным местом, где люди на

короткое время переставали притворяться, будто у них всё в порядке.

Каждое воскресенье Гринвуд заметно оживал с самого утра. Люди доставали лучшие наряды, женщины поправляли друг другу воротники и шляпки, мужчины начинали вести себя чуть серьёзнее обычного, а дети, нехотя причесанные и умытые, уныло плелись за родителями по направлению к небольшой белой церкви на холме. Колокол начинал звонить задолго до начала службы, и этот звук мягко растекался по всему городу, словно напоминая каждому жителю, что пора хотя бы ненадолго отвлечься от своих забот.

Небольшая церковь Гринвуда принадлежала к Епископальной церкви, хотя сами жители редко вспоминали об этом в обычной жизни и чаще называли её просто «нашей церковью». Здесь крестили детей, венчались, прощались с близкими, собирались на праздники и приходили поговорить тогда, когда дома уже не находилось подходящих слов.

Надо сказать, что церковь в Гринвуде была не просто религиозным местом. Она являлась сердцем города, его привычкой, его местом встречи и своеобразной терапией. Именно здесь люди узнавали новости, мирились после ссор, обсуждали последние события и, конечно, слушали проповеди, после которых почему-то становилось легче жить. Многие жители давно замечали за собой странную вещь: они приходили ради ощущения внутреннего тепла, которое сложно было объяснить словами.

Впрочем, сами жители города вообще редко умели говорить о своих чувствах прямо. Они предпочитали выражать любовь едой, заботой или привычными ритуалами. Если человек был дорог, его обязательно кормили. Если о нём переживали — ему звонили под предлогом совершенно неважного вопроса. А если кого-то любили по-настоящему, то чаще всего просто молча оставались рядом.

Этот маленький городок не был местом великих событий или больших перемен, однако именно здесь люди продолжали искать простое человеческое счастье среди запаха пирогов, осенних листьев, воскресных служб и бесконечно тёплого света окон, который каждый вечер мягко разливался по его тихим улицам.

К вечеру город постепенно затихал. В окнах домов загорался тёплый свет, на кухнях звенела посуда, а изредка с улицы доносился хлопок двери, когда кто-нибудь возвращался домой чуть позже обычного. Всё выглядело так, будто у каждого здесь было своё маленькое, вполне устроенное счастье.

Например, Роуз Уилсон, прогуливаясь с работы домой, как обычно остановилась перед витриной небольшого магазина и несколько секунд рассматривала платье, которое стоило заметно дороже, чем позволяла её совесть. Она даже улыбнулась ему, как старому знакомому, но потом вздохнула и пошла дальше.

Мистеру Хиггинсу же было особенно спокойно этим вечером. Он сидел один, глядя на улицу, и казался человеком,

которому совершенно некуда спешить. Возможно, так оно и было.

Джордж Коллинз, как обычно, стоял у окна и наблюдал за людьми, которые проходили мимо, разговаривали и время от времени смеялись. Он смотрел на них дольше, чем было необходимо, что-то недовольно ворчал себе под нос, а затем резко задёргивал занавеску, устраивался в любимом кресле и проводил остаток вечера перед телевизором.

Где-то в другом конце города Гарольд Грин снова что-то записывал в свой блокнот. Он делал это с таким сосредоточенным видом, словно от этих записей зависело если не будущее Гринвуда, то, по крайней мере, его собственное спокойствие. Гарольд чувствовал себя условно счастливым, когда думал о будущем, а мечты на время делали реальность легче и приятнее.

Томас и Хелен Бейкер шли молча рядом по тротуару. Иногда между двумя людьми тишина бывает настолько привычной, что уже трудно понять, счастлива эта пара или нет.

В этом городе всё было обычным, размеренным и временами даже скучным. Но именно эта размеренность делала Гринвуд внешне счастливым и предсказуемым. Здесь все знали друг друга: кто по утрам покупает пончики, у кого на этой неделе болит спина, чей сын собирается поступать в колледж, а чья дочь снова вернулась к тому самому молодому человеку, от которого её уже однажды отговаривал весь город.

Но, как это часто бывает в маленьких городах, знать о человеке почти всё ещё не означало знать его самого.

Под аккуратными коврами Гринвуда постепенно накапливалось кое-что ещё. И, судя по всему, кто-то уже успел спрятать туда несколько очень больших носков. Проблема была только в одном: никто пока не собирался поднимать ковёр. По крайней мере, сегодня.

Глава 2

Звезда города

Отец Дэниел, служитель небольшой местной церкви, давно стал одной из самых заметных фигур Гринвуда. Причиной был его юмор: он почти не умел долго оставаться серьёзным и нередко находил повод для шутки даже там, где другие предпочли бы торжественное молчание. Поначалу такой стиль нравился не всем, но со временем большинство жителей уже не представляли воскресных служб и разговоров с ним без смеха. Впрочем, оставались и те, кто считал подобную манеру слишком легкомысленной, и к их неодобрению Дэниел старался относиться спокойно.

Так кто же такой отец Дэниел?

Ему было чуть за тридцать, и, несмотря на внешне достаточно предсказуемую жизнь, в его взгляде всегда оставалось что-то живое и озорное. Как любил говорить сам Дэниел: «Я не спешу превращать жизнь во что-то слишком серьёзное».

Поначалу люди настораживались. Дэниел вырос у них на глазах, и многие перешёптывались: «Священник должен

быть серьёзнее. А он? Как он будет работать с людьми? Смешить их? Это уже не церковь. Почему он не берёт пример со своего отца?»

Да, отец Дэниел был исключением из правил, если такие вообще существовали. Он мог засмеяться ещё до начала проповеди, перепутать слова и вместо неловких извинений превратить ошибку в историю. А на человека смотрел так, будто видел не только его сожаления, но и опыт, который можно пережить с юмором и пониманием.

Он родился в семье священников. Не просто верующих людей, а тех, у кого вера была вплетена в каждый день, как привычка дышать. Его дед служил в церкви, отец служил в церкви, и казалось, что его путь определён ещё до того, как он научился говорить. В их доме всегда было тихо по утрам и немного торжественно по вечерам. Разговоры велись спокойно, без лишних эмоций, а книги стояли ровными рядами, как будто каждая из них была на своем месте.

Его отца звали Роберт Уокер, и большую часть своей жизни он посвятил церкви, продолжив дело собственного отца. Роберт был человеком спокойным, сдержанным и глубоко убеждённым в том, что служение требует прежде всего дисциплины и ответственности. Мать Дэниела, Маргарет Уокер, была мягче мужа и значительно легче относилась к особенностям сына, хотя редко вмешивалась в споры между ними напрямую.

И вот в этой аккуратной, правильной жизни появился

Дэниел.

Он не совсем вписывался в привычный уклад этой семьи. С самого детства он был тем ребёнком, который задаёт вопросы не в тот момент, когда их ждут, а именно тогда, когда уже все решили, что всё понятно. Он мог перебить серьёзный разговор взрослых и спросить, любит ли смеяться Бог. Или вдруг начать изображать прихожан, которых видел в церкви, точно подмечая их жесты, выражения лиц и интонации. Сначала это вызывало неловкость, затем спустя недолгое время его выходки вызывали сдержанные улыбки. В итоге уже никто не мог сдерживаться и к концу службы многие не могли удержать слез от смеха.

Он шутил везде: на кухне, за столом, во дворе и даже в церкви. Однажды, когда ему было лет семь, Дэниел стоял рядом с отцом во время службы и изо всех сил пытался выглядеть таким же серьёзным. Но потом посмотрел на прихожан, чьи лица казались ему напряжёнными, как сморщенный изюм, заметил, как один мужчина поправляет усы, кто-то нервно перешёптывается, а кто-то и вовсе задремал, и не удержался от тихого подражания. Наконец, едва сдерживая смех, он прошептал отцу:

— Пап, смотри, какие они смешные!

Отец снова нахмурился и жестом показал, что Дэниелу стоит быть серьёзнее и не разговаривать во время службы. Он давно привык к подобному поведению сына и временами считал, что Бог проверяет его терпение именно через Дэни-

ела. Поэтому оставалось только учиться снисходительности.

Дэниел рано заметил одну странную вещь, которую взрослые почему-то совсем не замечали. Или замечали, но сразу забывали. Люди меняются, когда смеются.

Он любил наблюдать за этим. Иногда ему казалось, что смех работает как волшебный ключик от невидимых дверей внутри человека. Вот только что кто-то сидел нахмуренный, с напряжёнными плечами и таким лицом, будто несёт на себе тяжёлый рюкзак, набитый камнями. А потом раздавалась удачная шутка и происходило что-то удивительное.

Однажды, когда Дэниелу было лет восемь, он снова умудрился пробраться в небольшую комнату для личных бесед раньше отца. Забравшись на его место за большим письменным столом, который почти скрывал маленького Дэниела, мальчик выпрямил спину и приготовился выслушивать чужие проблемы, изо всех сил сдерживая смех.

И вдруг вошла миссис Миллер — маленькая пухлая старушка в огромной шляпе, которая сидела на её голове так, будто была приклеена намертво. Она тяжело вздохнула и начала рассказывать о своём проступке.

На прошлой неделе она потеряла кошелёк. Сначала искала его дома, потом в магазине, потом снова дома, хотя прекрасно знала, что уже проверяла там не меньше трёх раз. А затем ей в голову закралась тёмная мысль: вдруг кошелёк взял муж.

— Я сразу на него подумала, — призналась она. — Он

сидел такой подозрительный...

Дэниел тихонько хихикнул.

Миссис Миллер замолчала и подозрительно посмотрела в сторону большого письменного стола.

— Простите?

Дэниел быстро кашлянул и принял серьёзный вид.

— М-м-м...

Старушка продолжила.

Оказывается, дед действительно выглядел подозрительно, потому что в тот день просто сидел в кресле и ничего не говорил. После обвинения он так расстроился, что пошёл в бар, напился, вернулся домой ещё более расстроенным и заявил, что, возможно, им вообще пора разводиться.

Дэниел снова захихикал, на этот раз чуть громче.

Миссис Миллер замолчала.

— Вы... смеётесь?

Дэниел замотал головой.

— М-м-м...

Она продолжила, уже явно насторожившись.

— А потом я нашла кошелёк в другой своей сумке.

Дэниел закрыл рот рукой.

— Я хочу покаяться, — продолжила старушка. — Я несправедливо обвинила мужа. Теперь он со мной почти не разговаривает. — Миссис Миллер вытерла платком слёзы и высморкалась.

Из-за стола донёсся сдавленный хрюкающий звук.

Миссис Миллер резко выпрямилась.

— Дэниел, это ты?

Дэниел не выдержал и расхохотался.

В этот момент дверь комнаты для бесед распахнулась.

— Дэниел! — вскрикнул отец, увидев его.

Мальчик выскочил наружу и помчался по коридору.

— Стой! Кому сказал!

Но Дэниел только громче рассмеялся и побежал ещё быстрее. Отец бросился за ним, выбежал во двор, едва не столкнулся с курами, которые важно бродили по дорожке, и уже почти догнал сына, когда вдруг поскользнулся на мокрой траве и со всего размаху упал прямо в лужу.

Куры испуганно разбежались.

Отец медленно поднял голову, весь в грязи, посмотрел вслед убегающему Дэниелу и тяжело вздохнул:

— Господи, за что мне это?

Дэниел уже стоял за деревом и смеялся так громко, что отец прекрасно его слышал. Эту историю город вспоминал ещё долго, особенно отец Дэниела, который с тех пор запретил сыну даже близко подходить к комнате для личных бесед.

Именно в детстве у Дэниела появилось ещё одно увлечение, о котором он долго не решался никому рассказать, потому что ему казалось, будто вся его жизнь уже предопределена. Этим увлечением был стендап.

В те годы американский стендап постепенно выбирался

из своего уютного подполья на телевидение и клубные сцены. Для многих взрослых это всё ещё выглядело несколько подозрительно: какие-то люди выходили к микрофону и за деньги рассказывали незнакомцам о своих семьях, соседях, тёщах и походах в магазин. То есть делали примерно то же самое, что обычные люди бесплатно делали на кухне, только перед публикой и с гораздо лучшим освещением.

Для Дэниела это было самое настоящее волшебство.

Он впервые увидел выступление комика совершенно случайно. Отец смотрел вечернюю передачу, а Дэниел сидел на полу в нескольких метрах от телевизора и старательно изображал ребёнка, занятого конструктором.

Из конструктора, правда, ничего не получалось уже минут двадцать, но это было неважно. Куда важнее оказалось то, что происходило с самим Дэниелом.

Он застыл.

На экране какой-то мужчина рассказывал о своей семье, соседях и походе в магазин, и совершенно обычный случай каким-то чудом превращался в полноценный комедийный номер.

Дэниел слушал, почти не моргая. Он ведь тоже ходил в магазин, видел соседей, разговаривал с людьми и иногда говорил такие вещи, после которых отец смотрел на него так, будто пытался понять, где именно допустил ошибку в воспитании.

И никогда прежде Дэниел не подозревал, что всё это мо-

жет быть смешным.

А люди в телевизоре смеялись, причём совершенно искренне. Они хохотали над вещами, которые ещё вчера казались Дэниелу обычными и неинтересными. Слушая их, он и сам начинал смеяться — то ли от шуток, то ли от самой атмосферы. Ведь смех — штука заразительная.

В этот момент он впервые подумал, что, возможно, взрослые слишком часто ошибаются, когда решают, что является важным, а что нет.

Дэниел медленно поднял голову.

— Пап?

Отец не отрывался от телевизора.

— М-м?

— А кто эти люди, которые шутят со сцены?

Отец посмотрел на экран, потом на сына.

— Это клоуны, развлекающие людей какой-то ерундой. Сейчас переключу канал.

Дэниел нахмурился.

Ответ его явно не удовлетворил.

— А почему они это делают?

Отец наконец повернулся к нему.

— Дэниел.

— Что?

— Им нечем заняться, а вот тебе есть чем. Иди спать.

На этом первое богословское исследование природы юмора было окончено. Дэниел по привычке послушно встал, от-

нёс конструктор на место и пошёл в свою комнату.

По крайней мере, именно так это выглядело со стороны.

Через несколько минут в доме стало тихо. Отец продолжал смотреть телевизор в гостиной, мать читала книгу, а Дэниел лежал в кровати и смотрел в потолок.

Ему всё ещё хотелось понять, почему люди выходят на сцену, говорят о простых вещах и при этом заставляют других смеяться. И почему взрослые решили, что всё это ерунда. Дэниел осторожно сел на кровати.

Лёжа в кровати, Дэниел ещё долго не мог уснуть. Он смотрел в темноту и представлял большую сцену, микрофон в руках и десятки, а может быть, сотни людей перед собой. Они смеялись, вытирали слёзы и аплодировали. В его детском мире для грусти, одиночества и страданий существовало простое средство: всё тяжёлое становилось немного легче, если удавалось посмотреть на него с юмором. Сам того не понимая, Дэниел уже тогда решил, что, когда вырастет, постарается сохранить мир именно таким — добрым, живым и удивительно смешным.

С того вечера он начал охотиться за смешными шутками. Он искал их везде. В газетах вырезал фотографии комиков, короткие интервью, объявления о выступлениях и рецензии на концерты. Иногда ему попадались напечатанные шутки или небольшие юмористические истории, и тогда он вырезал их особенно осторожно, стараясь не задеть ножницами соседнюю статью. В журналах он искал всё, что хоть как-то

было связано с комедией, а если по телевизору показывали выступление известного комика, Дэниел старался не пропустить ни одной минуты.

Постепенно у него появилась целая коллекция. И если другие дети собирали марки, машинки или карточки бейсболистов, то Дэниел собирал чужие шутки, имена комиков и всё, что помогало ему понять, почему люди смеются.

Иногда он переписывал особенно понравившиеся фразы в тетрадь. Иногда записывал собственные наблюдения. А иногда просто сидел и пытался понять, почему одна совершенно обычная история вдруг становится смешной, если рассказать её немного иначе.

Он даже начал обращать внимание на то, что происходило с людьми после хорошей шутки. Как исчезала напряжённость в лицах, как люди переставали хмуриться, как незнакомцы вдруг начинали смеяться вместе, словно на несколько секунд становились друзьями.

Для Дэниела это было почти чудом.

И чем больше он находил, тем сильнее ему хотелось найти ещё.

Все вырезки, записи и фотографии он складывал в старую коробку из-под ботинок, которую прятал под кроватью. Коллекция росла быстрее, чем количество его игрушек, а Дэниел всё чаще заглядывал в коробку по вечерам, когда был уверен, что никто не войдёт в комнату.

Хотя если бы отец когда-нибудь спросил, что там лежит,

Дэниел, скорее всего, ответил бы что-нибудь совершенно невинное.

Например:

— Ничего.

Что, как известно, является самым подозрительным ответом, который только может дать ребёнок, прячущий под кроватью целую жизнь. Со временем коробка превратилась в настоящее сокровище.

Он не просто смеялся. Дэниел изучал шутки, разбираал их устройство, добавлял собственные наблюдения и имена знакомых людей, снова перечитывал записи, а затем проговаривал их перед зеркалом, представляя себя ведущим вечернего шоу.

Это занятие всё больше увлекало его, и он всё тщательнее скрывал это от отца, потому что боялся его разочаровать.

В его детском представлении существовал определённый порядок вещей: дед и отец были священниками, значит, Дэниелу тоже предстояло стать им. Так было устроено. Никто не спрашивал, нравится ли ему этот план. И, если честно, Дэниел сам ещё не знал ответа.

Он любил церковь и умудрялся развлекаться и развлекать прихожан даже там, но его всё равно тянуло к чему-то ещё, и он пока не понимал, куда это приведёт.

К тому времени Дэниелу уже было за тридцать, когда он однажды случайно наткнулся на старую коробку, спрятанную среди других вещей. Он провёл ладонью по пыльной

крышке, будто стирая с неё годы, и осторожно открыл. Внутри всё ещё лежали газетные вырезки, фотографии и детские записи. Дэниел улыбнулся и на несколько мгновений снова оказался в своей маленькой комнате, где когда-то лежал на кровати и представлял сцену, смех и аплодисменты.

Он сам не понимал, почему эта коробочка до сих пор так сильно его волновала. Детство давно осталось где-то далеко, вместе с конструктором, старым телевизором и расчёской вместо микрофона. Дэниел вырос, стал священником и научился быть тем, кого от него ждали. Но стоило открыть коробочку, как тот мальчик снова ненадолго просыпался внутри. Дэниел улыбнулся, аккуратно закрыл крышку и снова отложил её — пока на неопределённое время.

Глава 3

Люди, которые начинали новую жизнь с понедельника

В Гринвуде давно перестали удивляться одной странной вещи: после разговора с отцом Дэниелом люди почему-то уходили немного другими.

Не то чтобы их проблемы исчезали. Никто не выходил от него внезапно счастливым или чудесным образом исцелённым от всех бед. Но что-то всё-таки менялось. Словно человек приходил, согнувшись под тяжёлым грузом своих мыслей, а уходил с тем же грузом, только уже не прижимая его к самому сердцу.

Самое удивительное заключалось в том, что со стороны беседы Дэниела совсем не выглядели похожими на серьёз-

ную душевную помощь. Он не любил длинных наставлений и редко произносил мудрые речи. Никогда не смотрел на человека с таким видом, будто собирается сейчас разобрать его жизнь по частям и вынести окончательный вердикт.

Вместо этого он задавал неожиданные вопросы. Рассказывал смешные истории. Мог внезапно вспомнить какой-нибудь нелепый случай из собственного детства или так искренне рассмеяться над чужой ошибкой, словно она была не поводом для стыда, а частью большой человеческой комедии.

И постепенно происходило что-то незаметное. Человек начинал улыбаться. Потом смеяться. Потом вдруг слышал самого себя со стороны и обнаруживал, что его беда уже не выглядит такой огромной, как час назад.

Дэниел часто говорил, что у печали есть одна хитрая привычка: она очень любит расти в одиночестве. Если человек запирается со своими проблемами в четырёх стенах, они довольно быстро начинают размножаться, занимая всё свободное пространство в голове.

— Поэтому, если вам совсем тяжело, не сидите дома и не разговаривайте с потолком, — говорил Дэниел. — Найдите хорошего человека, сядьте рядом, налейте себе чего-нибудь, излейте душу, пожалуйста на жизнь, на соседей, на мужа, на жену, а если сосед вам не нравится, можете пожаловаться ему же на него самого, главное, чтобы вы наконец перестали носить всё это внутри.

По залу обычно прокатывался смех.

— Только, пожалуйста, не превращайте это в ежедневное богослужение с утра до вечера, — продолжал он. — Потому что, если после третьей рюмки вы начинаете видеть ангелов, а после пятой уже разговаривать с ними, обращаться придётся в другие учреждения, а не ко мне.

Люди снова смеялись, а Дэниел довольно улыбался.

— Во всём нужен баланс. Вера помогает, друзья помогают, разговор помогает, иногда даже хорошая рюмка помогает, хотя я бы не стал записывать её в число семи таинств. Но прежде всего человеку нужно научиться верить в себя. Потому что, если вы сами каждый день говорите себе, что вы никчёмный, грешный и ни на что не способны, не удивляйтесь, что дьявол однажды услышит это и решит, что вы его клиент.

В церкви раздавался смех, кто-то одобрительно кивал, а кто-то, особенно из тех, кто знал за собой пару лишних рюмок по вечерам, старался смотреть исключительно в пол.

— И запомните, — добавлял Дэниел, поднимая палец, — выпить за здоровье можно, выпить от горя можно, но если вы начнёте пить вместо того, чтобы приходить в церковь, нам придётся всем вместе искать новое место для встреч. А я, честно говоря, не уверен, что в баре нас будут слушать так же внимательно.

Смех становился ещё громче.

Дэниел смеялся вместе со всеми, но за его шутками все-

гда оставалась одна простая мысль: не нужно прятаться от собственной жизни. Горе становится тяжелее, когда человек несёт его один, а иногда достаточно просто рассказать кому-нибудь о том, что болит, посмеяться над собой и снова вспомнить, что жизнь всё ещё продолжается.

И если удачная шутка помогала человеку увидеть это, Дэниел считал, что она уже сделала достаточно много.

И это действительно работало!

Люди приходили к нему с лицами, на которых словно лежала тень. Они говорили о своих неудачах, потерях, страхах и разочарованиях. А потом в какой-то момент начинали улыбаться.

И в эти минуты Дэниел снова видел то, что заметил ещё ребёнком: вместе со смехом в человеке будто зажигался свет. Проблемы никуда не исчезали. Но сам человек вдруг становился больше своих проблем.

И этого порой оказывалось достаточно, чтобы сделать следующий шаг вперёд.

После воскресных служб жители Гринвуда нередко расходились по домам с видом людей, которые прямо с понедельника собираются полностью изменить свою жизнь. Правда, сам понедельник иногда переносился на следующий понедельник, но намерения у всех были исключительно серьёзные.

Одна женщина после разговора с Дэниелом внезапно решила начать новую жизнь и записалась на йогу, потому что

отец Дэниел, выслушав её длинную жалобу на усталость от жизни, задумчиво сказал:

— Просто кошки спят по шестнадцать часов в сутки, и я пытаюсь понять, не принадлежите ли вы к их виду. Возможно, пора немного размяться, чтобы на скуку просто не оставалось времени?

Она сначала оскорбилась, потом задумалась, а через неделю уже покупала спортивные штаны, в которых, по словам местных жителей, выглядела она очень решительно.

Особенно часто к Дэниелу приходили люди, уставшие от брака. В маленьких городах вообще существовала странная привычка жить вместе не потому, что счастливы, а потому что все уже привыкли. Некоторые супруги годами разговаривали друг с другом исключительно о погоде, счетах и состоянии холодильника, пока однажды кто-нибудь из них не приходил к Дэниелу с трагическим лицом и словами:

— Мы совершенно перестали понимать друг друга.

На что он обычно спокойно отвечал:

— А вы пробовали разговаривать не только о том, что пора идти за покупками?

Иногда люди начинали смеяться ещё до конца беседы, потому что внезапно понимали, насколько нелепо устроены многие их проблемы.

Дэниел вообще обладал редкой способностью уменьшать человеческую трагедию до размеров, с которыми уже можно жить.

Когда одна пожилая женщина пришла к нему в слезах и призналась, что боится стареть, он внимательно выслушал её, кивнул и сказал:

— Знаете, в молодости люди переживают, что их никто не любит, а после шестидесяти начинают радоваться, если их никто не беспокоит!

И женщина неожиданно рассмеялась так громко, что сама испугалась собственного смеха.

Иногда Дэниелу казалось, что половина жителей Гринвуда приходила к нему вовсе не за советами, а за разрешением жить настоящей живой жизнью. Люди слишком долго пытались соответствовать чужим ожиданиям, быть скромными, успешными, терпеливыми, благодарными и духовными, пока однажды не начинали чувствовать такую усталость, будто всю жизнь играли роль в спектакле, который никто особенно и не смотрел.

И тогда Дэниел осторожно, почти незаметно, возвращал их обратно к самим себе.

Он никогда не говорил человеку: «измени жизнь». Это звучало бы слишком пафосно для маленького города, где люди боялись даже переставить мебель без внутреннего чувства вины. Вместо этого он задавал странные вопросы.

— А что вам нравилось до того, как вы пришли к этой ситуации?

Или:

— Вы случайно не путаете спокойствие со скукой?

Или:

— А вы уверены, что Бог хотел, чтобы вы всю жизнь нравились другим, но не себе?

Но смеялся далеко не каждый. Коллинз, бывший школьный инспектор, сидел на своём месте с каменным лицом. Он вообще не любил, когда люди смеялись слишком громко, разговаривали во время службы или позволяли себе шутить там, где, по его мнению, следовало хотя бы иногда вспоминать о серьёзности жизни. А церковь Коллинз и вовсе считал последним местом для подобных развлечений.

Дэниела он тоже недолюбливал. Он считал его слишком легкомысленным и довольным жизнью и, что хуже всего, совершенно не похожим на человека, который должен говорить с людьми о Боге.

— Богохульство какое-то, — пробормотал он себе под нос, поднимаясь со скамьи.

Он даже не стал дожидаться конца службы. Недовольно поправил пиджак, ещё раз бросил на Дэниела тяжёлый взгляд и вышел из церкви, продолжая что-то тихо ворчать себе под нос.

А внутри снова раздался смех.

Дэниел на секунду посмотрел на закрывшуюся за Коллинзом дверь, но ничего не сказал и продолжил свою проповедь.

Но в основном после подобных разговоров жители Гринвуда начинали вести себя более оживлённо: кто-то неожиданно менял причёску, кто-то покупал яркое пальто, о кото-

ром раньше только мечтал, кто-то впервые за двадцать лет приглашал жену на свидание, а кто-то внезапно обнаруживал, что умеет рисовать акварелью, танцевать или просто смеяться без чувства вины.

И хотя почти каждый житель Гринвуда хотя бы раз торжественно обещал себе «начать новую жизнь с понедельника», город давно заметил одну забавную закономерность: после разговоров с Дэниелом понедельники действительно иногда начинали работать.

Глава 4

Знакомство с жителями городка

В то воскресное утро Гринвуд просыпался так же неторопливо, как и всегда, а его жители один за другим готовились к службе, каждый со своими привычками, заботами и маленькими тайнами.

В то утро мисс Роуз Уилсон никак не могла решить, в каком платье пойти на службу. Эта утончённая, всегда безупречно собранная женщина обладала странной особенностью: она прекрасно видела собственную красоту и одновременно боялась её. Роуз любила блеск, хорошие ткани и красивые вещи, но стоило представить, что кто-нибудь заметит её слишком яркий наряд, как удовольствие тут же сменялось тревогой. Что скажут люди? Не сочтут ли её тщеславной, расточительной или слишком довольной собой? Поэтому самые красивые платья годами ждали в шкафу подходящего случая, а сама Роуз дома примеряла их перед зеркалом, лю-

бовалась собой и почти сразу начинала стыдиться этого удовольствия. Ей казалось, что скромность должна быть заметнее красоты, и она настолько привыкла оценивать себя чужими глазами, что постепенно стала столь же строго судить и окружающих.

С виду сдержанная и безупречно воспитанная, дома Роуз позволяла себе быть гораздо ворчливее. Ей было около сорока пяти, и каждый новый год она воспринимала скорее как угрозу очередной морщины, чем как источник мудрости. Семьи у неё не было, и долгие годы Роуз убеждала себя, что ей вполне достаточно собственного общества, аккуратного дома и красивых нарядов. Только вечерами эта уверенность иногда давала трещину. Тогда она примеряла очередное платье, включала телевизор или устраивала себе домашние процедуры и старалась не замечать, насколько однообразной стала её тщательно устроенная жизнь.

При этом выглядела Роуз прекрасно: ухоженная кожа, аккуратная причёска и почти неизменно спокойное лицо делали её моложе. Иногда казалось, что даже собственные эмоции она умудрялась беречь «для особого случая».

Дом Роуз удивительным образом походил на хозяйку. Снаружи — скромный, чистый, двухэтажный и почти не приметный; внутри — безупречно ухоженный, красивый и настолько аккуратный, что порой казался нежилым. Каждую вещь Роуз выбирала тщательно и берегла так, словно та была маленьким сокровищем. Пыль она замечала раньше, чем та

успевала осесть, а людей, относившихся к порядку спокойнее, мысленно записывала в число безнадежных. Наверное, поэтому близких друзей у неё почти не было, за исключением коллеги миссис Портер, с которой они время от времени разговаривали на работе.

Миссис Портер, напротив, любила людей почти без разбора. Она считала Роуз женщиной со своим характером и не пыталась её переделывать. Каждый новый человек казался ей интересным по-своему, а общение само по себе доставляло удовольствие. Обе женщины работали бухгалтерами в небольшом местном издательстве, выпускавшем еженедельную газету.

Миссис Портер считала свой брак вполне удачным. Её муж Марк любил жену, а сразу после неё — рыбалку, и Мэри давно смирилась с этим почётным вторым местом. Более того, её вполне устраивало делить мужа с рыбой, особенно потому, что улов потом появлялся на семейном столе. — Расплата не заставила себя долго ждать! — иногда шутила она за ужином, глядя на довольного Марка.

Их дом был простым, но уютным. В интерьере преобладали красные и зелёные оттенки, вещи далеко не всегда лежали на идеальных местах, и именно эта лёгкая неряшливость делала комнаты особенно живыми: здесь сразу чувствовалось, что в доме действительно живут люди.

У Мэри и Марка было двое детей, Лили и Гвен, которые несколько лет назад уехали из родительского дома строить

карьеру в большом городе. Мэри скучала по ним и особенно ждала День благодарения и Рождество, когда её взрослые «птенцы» возвращались домой и на несколько дней снова становились для неё теми детьми, которых хотелось накормить, расспросить обо всём и уложить спать под старым пледом.

Надо отдать должное миссис Портер: терпения у неё хватало на многих, и одно только многолетнее общение с Роуз было тому прекрасным подтверждением.

— Дорогой, поторопись, уже почти девять, мы опоздаем к началу службы, — позвала миссис Портер своим мягким звучным голосом. — Иду, иду, дорогуша, — отозвался Марк, в последний момент проверяя снасти для любимой рыбалки.

Было воскресенье, а значит семье Портеров, как и большинству жителей Гринвуда, пора было идти на службу. Люди постепенно стекались к небольшой церкви, где многие чувствовали себя спокойнее и, как они сами говорили, будто немного чище. Почти каждый хотя бы раз приходил к отцу Дэниелу на личный разговор и выходил от него с улыбкой, а иногда и со смехом. Секрет популярности церкви во многом заключался именно в Дэниеле: он обожал юмор и умел говорить о сложных вещах легко, не обесценивая чужих переживаний. Люди приходили к нему не только с серьёзными проблемами; порой им просто хотелось поделиться новостью, посмотреть на ситуацию под другим углом и уйти с

ощущением, что жить стало чуть легче.

По дороге к церкви Портеры встретили своего приятеля Томаса Бейкера. Он тоже шёл на службу, но был один, без супруги, и выглядел заметно подавленным, хотя при виде знакомых всё же натянул привычную улыбку.

— Привет, Томас! — громко окликнул его Марк. — Ты тоже идёшь к отцу Дэниелу? А где Хелен?

— Да, а куда ещё идти в воскресное утро? Только спасти наши души, правда, Марк? — с ироничной улыбкой ответил Томас. — Хелен сегодня дома.

Поприветствовав друг друга, они продолжили путь, каждый оставшись при своих мыслях.

Томасу Бейкеру было за сорок пять, и внешне он выглядел именно так, как должен выглядеть человек, который ни разу в жизни никого особенно не разочаровал. Высокий, немного сутулый, с крепкими руками человека, привыкшего много работать, он носил простые клетчатые рубашки, потёртые куртки и часы на кожаном ремешке, которые не снимал уже лет десять. Его тёмно-русые волосы начали седеть раньше времени, особенно у висков, а под глазами почти всегда лежала лёгкая усталость.

Его лицо излучало надежность и спокойствие, поэтому люди автоматически доверяли ему. Томас вообще производил впечатление человека, рядом с которым ничего плохого случиться не может. Он всегда здоровался первым, придерживал двери, помогал соседям занести коробки и помнил

дни рождения людей лучше, чем они сами.

Работал Томас в магазине строительных материалов на окраине Гринвуда и удивительным образом прекрасно ему соответствовал: весь его вид словно говорил о скрытом желании что-нибудь построить, подкрутить или починить.

У Томаса вообще была привычка всё чинить: скрипящую дверь соседки, полку в гараже, старый тостер. Иногда казалось, что он готов ремонтировать всё вокруг, лишь бы не замечать, насколько сильно в ремонте нуждается собственная жизнь.

Однажды он пришёл на барбекю к соседям и через двадцать минут уже лежал под их раковиной, потому что из крана капала вода.

Через час вода неожиданно отключилась во всём доме, а Томас, мокрый и немного виноватый, сидел на полу кухни и с серьёзностью опытного мастера объяснял:

— Технически я справился! Кран ведь перестал капать, — заявил Томас и рассмеялся, будто это оправдывало не самый удачный ремонт.

Каждое утро Томас начинал одинаково. Вставал раньше жены, варил кофе в старой кофеварке, которая шумела так громко, будто собиралась взлететь, затем долго стоял на крыльце с кружкой в руках, наблюдая, как просыпается улица. Он любил эти тихие минуты до начала дня, потому что только в них чувствовал что-то похожее на душевный покой.

По субботам он возился в гараже. Не потому, что действи-

тельно что-то мастерил, а потому что там было тихо. В гараже пахло деревом, машинным маслом и уединением, которое мужчины его возраста обычно называют «небольшим отдыхом».

С Хелен они прожили почти двадцать лет. В Гринвуде о ней говорили просто: хорошая женщина. Спокойная, надёжная, предсказуемая. В их доме почти не было скандалов, но вместе с ними куда-то исчезли и многие другие эмоции. Разговоры давно свелись к бытовым делам, счетам, работе и тому, что нужно купить к ужину.

Иногда вечером Томас ловил себя на мысли, что они разговаривают как люди, которые случайно много лет снимают один дом.

— Молоко закончилось.

— Хорошо.

— Завтра обещают дождь.

— Угу.

— Ты оплатил страховку?

— Да.

Самое страшное заключалось в том, что оба уже привыкли к этому соседству.

А потом появилась Сара Миллер.

Он встретил её в библиотеке совершенно случайно. Она стояла на стремянке и пыталась достать книгу с верхней полки, одновременно ругаясь на слишком высокий шкаф и смеясь над собой.

И Томас поймал себя на мысли, что слишком давно не слышал такого живого смеха.

Сара не была роковой красавицей, но рядом с ней Томас внезапно вспоминал, каким был до того, как жизнь превратилась в длинный список обязанностей.

После знакомства с Сарой Томас начал делать вещи, от которых самому становилось немного неловко.

Он чаще смотрел в зеркало, начал пользоваться одеколоном и однажды даже купил новую рубашку, убеждая себя, что старая просто изнасилась. Рядом с Сарой Томас чувствовал себя почти шестнадцатилетним — так, будто жизнь снова могла быть беззаботной и интересной. И это заставляло его думать о том молодом парне, который когда-то подшучивал над друзьями, женился на Хелен по любви и был уверен, что их отношения навсегда останутся такими же живыми, как в самом начале.

Это его пугало.

Это пугало Томаса, потому что всю жизнь он считал себя человеком, который никогда сознательно не станет причиной чужой боли, тем более боли женщины, с которой прожил большую часть взрослой жизни.

Томас вошёл в церковь и занял привычное место в ожидании проповеди. Оглянувшись в поисках знакомых лиц, он заметил Гарольда Грина — мужчину лет тридцати восьми, который выглядел заметно моложе своего возраста.

Гарольд и правда напоминал мальчишку: растрёпанные

каштановые волосы, привычка активно жестикулировать и слова, которые едва поспевали за мыслями. Только глаза у него были уставшими. У людей, которые слишком много мечтают и слишком редко доводят начатое до конца, со временем появляется именно такой взгляд — всё ещё надеющийся, но уже заранее готовый к очередной неудаче.

Старые свитера, растянутые футболки, джинсы с пятнами краски и кеды, которые давно стоило выбросить, говорили не только о внешней неряшливости Гарольда, но и о его внутреннем мире — мире, где порядок казался скучным, а безответственность нередко выдавалась за свободу.

Он жил один в маленьком съёмном доме возле железной дороги. В гостиной стояла недособранная книжная полка, на кухне лежали инструменты рядом с кофейными кружками, а в углу пылилась гитара, на которой он когда-то пытался учиться играть блюз. На столе повсюду были раскиданы блокноты с бизнес-идеями, половина из которых начиналась словами: «Это точно изменит мою жизнь».

Но ничего не менялось.

У Гарольда была удивительная способность искренне вдохновляться новой идеей ровно до того момента, пока не приходило время делать что-то сложнее разговоров о ней.

Он постоянно что-то начинал: писал книгу, собирался открыть кофейню, покупал кисти, чтобы стать художником, однажды даже решил заняться пчеловодством, хотя боялся пчёл.

Гринвуд относился к нему с тёплой насмешкой.

— Ну что, Гарольд, какое дело начинаешь на сей раз? — спрашивали его в местной закусочной.

— Дело с большим потенциалом! — серьёзно отвечал он. И все смеялись, включая самого Гарольда.

Но по вечерам ему было уже не так смешно.

Иногда Гарольд лежал на диване в полутьме, слушал проходящий за окном поезд и чувствовал странное мучительное ощущение, будто настоящая жизнь всё время стоит на пороге, но никак не решается войти.

Он много говорил о будущем, потому что настоящее казалось ему слишком маленьким для всех его надежд.

При этом Гарольд был удивительно добрым человеком. Он подкармливал соседских котов и мог отдать последние деньги другу.

Главным хобби Гарольда были мечты. По крайней мере, именно так это называл отец Дэниел.

— Гарольд, ты единственный человек в городе, который живет в мечтах, но при этом полностью отсутствует в реальности, — однажды сказал он.

— Это талант, — вздохнул Гарольд.

— Нет. Это безответственность, которую ты превратил в философию.

И Гарольд тогда смеялся громче всех, потому что никто в Гринвуде не умел так точно и мягко попадать в правду, как отец Дэниел.

У входа в церковь почти всегда можно было увидеть мисс Бетти Харпер. В одной руке она держала потрёпанный сборник церковных песен, в другой — тарелку с домашним печеньем, а весь её вид говорил о том, что еда сегодня служит не только угощением, но и удобным поводом наблюдать за людьми.

Она была женщиной крупной, мягкой и удивительно подвижной для своего возраста. Её круглое лицо всегда выглядело оживлённым, словно она выполняла важные задачи для всех прихожан. На ней была тёмно-синяя шляпка с маленькими искусственными цветами, которые слегка дрожали каждый раз, когда она выразительно вздыхала. А вздыхала мисс Бетти часто, и от переживаний, и из любопытства.

Пока люди заходили в церковь, Бетти внимательно наблюдала за каждым, не желая пропустить ни одной городской новости.

— Доброе утро, миссис Портер!

— Какой красивый шарф. Марк всё-таки научился замечать, что женщине иногда нужно не только обсуждать рыбу?

Миссис Портер рассмеялась.

— Это я сама себе купила.

— Ещё лучше. Независимость очень идёт зрелым женщинам.

Затем взгляд мисс Бетти переместился чуть дальше по проходу... и тут она увидела Гарольда Грина.

Она медленно прищурилась.

Гарольд как раз пытался незаметно проскользнуть на дальнюю скамью, но сделать это было трудно, потому что выглядел он так, будто по дороге в церковь пережил небольшую жизненную катастрофу.

Мисс Бетти прикрыла глаза.

— Господи... — тихо произнесла она с таким чувством, будто молилась сразу за весь мужской пол.

Гарольд замер.

Он уже знал этот голос.

— Доброе утро, мисс Бетти.

Она медленно оглядела его сверху вниз.

— Гарольд, скажи честно... ты упал со шкафа и решил оставить всё как есть?

Пара человек рядом тихо прыснули со смеху.

Гарольд посмотрел на свой свитер.

— Это моя свобода самовыражения!

— Нет, дорогой, это беспорядок, который даже свободой не назовешь.

Он усмехнулся.

— Я просто опаздывал.

— Куда? В свой успешный успех? Ты туда уже лет десять опаздываешь.

Гарольд тихо улыбнулся, потому что спорить с мисс Бетти было бесполезно.

Она подошла ближе и начала поправлять ему воротник прямо посреди прохода.

— Ты взрослый мужчина. Почему ты выглядишь так, будто собирался в такой спешке, что забыл проверить зеркало?

— Возможно, так и было.

Люди вокруг уже откровенно улыбались.

Но самое удивительное заключалось в том, что мисс Бетти ругала людей исключительно из любви. В её замечаниях никогда не было злости — только искреннее желание быть немного полезной.

Она вдруг внимательно посмотрела на Гарольда и вздохнула уже мягче.

— Ты хоть завтракал?

Он помолчал пару секунд.

— Кофе считается?

Мисс Бетти вздохнула и медленно закрыла глаза.

— Сядешь после службы рядом со мной. Я принесла пирог.

И с этими словами они поприветствовали вошедшего отца Дэниела и заняли свои места.

Среди прихожан почти всегда можно было заметить и мистера Коллинза. Он приходил раньше остальных, садился на одну и ту же скамью у стены и раскладывал перед собой молитвенник с такой аккуратностью, будто даже книги в его присутствии обязаны соблюдать порядок. На нём неизменно был тёмный костюм, начищенные ботинки и выражение лица человека, заранее уверенного, что сегодня кто-нибудь обязательно сделает что-нибудь неправильно.

Коллинз вообще не любил неожиданностей. Он не любил громкий смех, слишком оживлённые разговоры, детей, которые шептались во время службы, и особенно не любил, когда отец Дэниел превращал проповедь в нечто похожее на представление. В его понимании церковь должна была заставлять человека задуматься о вечном, а не смеяться так, чтобы потом ещё пять минут пытаться отдышаться. Поэтому после каждой особенно удачной шутки Дэниела Коллинз лишь сильнее поджимал губы и смотрел перед собой с выражением человека, который терпит это исключительно ради высших сил.

Он считал себя человеком серьёзным, рассудительным и достаточно набожным, чтобы замечать недостаток серьёзности у других. Впрочем, сам Коллинз редко замечал, что за его неприятием чужого веселья скрывалось не столько глубокое благочестие, сколько невозможность позволить себе расслабиться. Он слишком давно привык контролировать собственные слова, выражение лица и даже громкость дыхания, поэтому чужая способность смеяться без разрешения казалась ему почти неприличной.

В тот день он снова сидел на своей привычной скамье и недовольно наблюдал, как прихожане заполняют церковь. Потом тяжело вздохнул, увидев, что Дэниел готовится к проповеди. Судя по всему, воскресное утро обещало быть долгим.

Глава 5

Тайные беседы

В то воскресенье очередь на личные беседы тянулась чуть дольше обычного, потому что люди, выходя от отца Дэниела, не спешили расходиться. Они стояли у двери, вытирали слёзы от смеха, переглядывались и уже с трудом вспоминали, чем были озабочены до разговора со священником.

Небольшой кабинет при церкви, где Дэниел разговаривал с прихожанами наедине, был удивительно живым для такого места. В нём не было той строгости, которую обычно ожидаешь от комнаты для личных бесед: свет падал мягко, на подоконнике стоял крошечный горшок с каким-то растением, которое вопреки всем законам ухода выглядело вполне довольным жизнью, а стул напротив слегка поскрипывал, словно стал таким под тяжестью людских проблем.

Отец Дэниел сидел, слегка наклонившись вперёд, и машинально перебирал в пальцах небольшой крестик на цепочке, просто чтобы занять руки, пока слушал человеческие истории. В его взгляде было то редкое сочетание внимания и лёгкости, которое одновременно обезоруживало и порой даже раздражало.

Каждый раз, когда Дэниел выходил перед прихожанами с проповедью или садился напротив кого-нибудь для личной беседы, он в глубине души представлял себя комиком, который просто работает на другой сцене. Зрители у него тоже были, и, к его счастью, довольно благодарные: он даже иногда проверял на них собственные шутки или вспоминал

удачные номера известных комиков, слегка переделывая их под местную жизнь. Правда, если шутка оказывалась неудачной, Дэниел быстро делал серьёзное лицо и ссылаясь на то, что «не всё смешное должно быть понято сразу». Особенно хорошо эта теория работала, когда никто не смеялся.

Он часто задавал себе вопрос: «А есть ли у меня выбор? Ведь я проповедаю человеческий выбор, а есть ли он у меня?»

Звук открывающейся двери прервал его размышление, и в проёме появилась Роуз.

Она вошла так, будто несла на себе весь вес собственных убеждений. Платье на ней, как всегда, было безупречно скромным, несмотря на тайное желание Роуз хотя бы иногда выглядеть заметнее.

Её лицо казалось почти неподвижным. Слегка вздёрнутый нос, волнистые волосы, собранные в аккуратный пучок, и строгий взгляд прекрасно дополняли образ женщины, привыкшей держать под контролем и внешность, и эмоции. Дэниел знал этот характер лучше многих: Роуз приходила к нему довольно часто.

Она аккуратно села напротив, сохраняя привычно серьёзное выражение лица, словно и здесь продолжала играть хорошо выученную роль.

— Отец Дэниел... — начала она, и в голосе уже слышалось внутреннее недовольство самой собой.

Он поднял на неё взгляд и, чуть прищурившись, будто пы-

таясь угадать причину её прихода, мягко сказал:

— Роуз, вы сегодня выглядите так, будто подготовили обвинительный список, — мягко заметил Дэниел.

Она на секунду замерла, явно не ожидая такого начала.

— У меня серьёзная проблема, — сухо ответила она.

— Я полагал, — кивнул он, — что серьёзные истории с платьями у нас уже закончились.

Она проигнорировала это, но уголок её губ на мгновение дрогнул быстрее, чем она успела его остановить.

— Я не могу... перестать покупать платья! — громко рыдалась мисс Роуз.

— У меня зависимость, отец Дэниел! За-ви-си-мость!

Дэниел не удивился: история с платьями продолжалась уже не первый день.

— Хорошее начало, — сказал он с улыбкой. — Обычно люди начинают с более скучных вещей, а тут сразу слёзы.

Она нахмурилась.

— Я не шучу. Мне уже... стыдно. У меня их слишком много. Я их не ношу. Я просто... покупаю, — продолжала Роуз, шмыгая носом и вытирая слёзы аккуратным носовым платком с вышивкой.

Он наклонил голову, внимательно её рассматривая.

— То есть у вас появилось хобби? — предположил отец Дэниел с улыбкой.

Она резко посмотрела на него.

— Это ещё не всё! — продолжала Роуз.

— Так, продолжайте, — спокойно ответил он.

Она отвела взгляд.

— Я заметила, что каждый раз, когда захожу в магазин, платья будто разговаривают со мной: «Купи меня, примерь меня». Я нездорова, отец Дэниел! — Она вгляделась в его лицо, словно искала там подтверждение серьёзности своей беды. — А ещё... ещё больше половины платьев из моего гардероба я, скорее всего, вообще никогда не надену!

За годы служения Дэниел успел услышать многое: истории о платьях, соседях, собаках, коллегах и семейных ссорах. Но за самыми разными жалобами нередко скрывалось одно и то же — человек был недоволен собственной жизнью, не замечал настоящей причины и поэтому старательно искал виноватых где-нибудь снаружи.

— И у меня уже нет места в гардеробе, — с тихим возмущением добавила она, почти не глядя на него.

Он улыбнулся, но не насмешливо, а скорее с пониманием, услышав в её голосе настоящее сожаление.

— Вам нравятся все платья, которые вы купили? — мягко спросил он.

Она вздохнула.

— Конечно! Они идеальны.

— Попробуйте в следующий раз сначала поговорить с платьем, а уже потом решать, стоит ли его покупать, — предложил он, слегка наклонившись вперёд.

Она бросила на него взгляд, в котором смешались возму-

щение и удивление.

— Вы издеваетесь?

— Немного, — честно ответил он. — Но исключительно в терапевтических целях.

Она попыталась сохранить строгость, но внутри уже что-то дало сбой и напряжение начало уходить.

— Как только увидите особенно настойчивое платье, скажите ему: «Я приду за тобой в следующий раз, обещаю».

Роуз удивлённо подняла глаза. Уголки её губ дрогнули, и на лице появилось что-то очень похожее на улыбку, хотя сама она, вероятно, предпочла бы это отрицать.

— А ещё, Роуз, ваше желание скупить половину магазина наверняка о чём-то говорит. Когда вы в последний раз чувствовали настоящую радость?

— Отец Дэниел, о чём вы? Я всегда радуюсь. Я абсолютно счастливый человек, поверьте мне, — сказала она, убирая платок в карман и стараясь скрыть лёгкое возмущение.

— Вам виднее, Роуз.

— Знаете, вчера я видела мистера Хиггинса, — почти шёпотом произнесла она, словно надеялась, что Бог не услышит. — Решил жениться в семьдесят два! Вот у кого точно радости навалом.

— И что в этом необычного?

— В его-то возрасте?

— Возможно, он устал быть один и решил найти человека, с которым хотя бы будет о чём спорить за завтраком, —

пошутил Дэниел. На этот раз Роуз не выдержала и тихо рассмеялась, почти украдкой прикрывая рот ладонью, словно проверяла, действительно ли ей это позволено.

— Отец Дэниел, вы опять на что-то намекаете?

— Что вы. Священники не намекают. Просто некоторые вещи приятнее делить с кем-то: танцы, споры, походы в ресторан в красивом платье... даже яблочный пирог. Подумайте об этом.

Роуз смутилась, и это выдал лёгкий румянец на её лице.

— Меня вполне устраивает моё положение дел, и я абсолютно счастлива в одиночестве, — твёрдо сказала Роуз, хотя к концу фразы голос слегка дрогнул.

— Просто подумайте об этом, — с улыбкой ответил Дэниел, радуясь румянцу на её лице как доказательству того, что под привычной строгостью всё ещё много живого.

Роуз встала медленно, на её лице всё ещё сохранялась привычная серьёзность, но где-то под ней уже пряталось что-то лёгкое.

У самой двери она остановилась, будто хотела что-то сказать, но передумала.

И всё же, когда она вышла, на её лице была улыбка.

«Пожалуй, меня уже трудно будет чем удивить», — подумал Дэниел и приготовился к следующему вошедшему.

Казалось, очередь к Дэниелу не закончится никогда. Люди заходили один за другим и не спешили выходить. Истории у всех были разные, но за многими из них скрывалось одно и

то же: люди почему-то стеснялись собственного счастья.

— Отец Дэниел... — начал мистер Хиггинс. — Боюсь, люди меня осудят.

— Артур, в Гринвуде люди осуждают даже соседские газоны.

Старик тяжело вздохнул.

— Я женюсь.

Дэниел поднял брови.

— Ну слава Богу. А я уже приготовился к чему-то действительно страшному.

— Мне семьдесят два. Это неслыханно! — зажмурив глаза, сказал мистер Хиггинс.

— И что?

— В моём возрасте люди покупают лекарства, а не обручальные кольца.

— Зато у вас есть шанс принимать лекарства не в одиночестве.

Мистер Хиггинс тихо усмехнулся, опуская взгляд.

— Вы чувствуете себя счастливым?

— Конечно! Как будто мне снова тридцать и я заново начинаю жизнь! — возбуждённо ответил мистер Хиггинс.

— Вот и отлично! И потом, любви, к счастью, всё равно, сколько вам лет, а вот вашим коленям — нет, — усмехнулся Дэниел. — Не забудьте про ежедневную зарядку!

Следом в кабинет почти ворвался Гарольд Грин и всем весом рухнул на уже порядком измученный скрипучий стул.

— Отец Дэниел... я уезжаю.

Дэниел спокойно поднял взгляд. Гарольд выглядел заметно взволнованным.

— Надеюсь, хотя бы не прямо сейчас.

— Я серьёзно! — Гарольд снова взъерошил волосы. — Мне нужно всё поменять. Этот город меня душит! Я больше так не могу!

— Гарольд, тебя душит не город. Ты просто устал от собственных «гениальных идей».

— Вот поэтому я и уезжаю! В новом городе всё будет иначе, — пробормотал Гарольд, нервно подёргивая ногой.

— Конечно. Там будут другие улицы, дома, кофейни... и тот же Гарольд Грин с тревожным лицом и неоплаченными счетами.

— Вы не понимаете! — Он всплеснул руками. — Здесь у меня ничего не получилось.

— Гарольд, давай честно: почему тебя постоянно тянет что-то начинать и не заканчивать?

Гарольд открыл рот... и замолчал.

— Вот видишь, — мягко сказал Дэниел. — Ты меняешь идеи чаще, чем мы видимся с тобой.

Гарольд нервно потёр лицо ладонями.

— Мне кажется, если я останусь здесь, то так и проживу всю жизнь... разговаривая о несбыточных мечтах.

На этот раз Дэниел улыбнулся уже теплее.

— Это, кстати, первая умная мысль за весь разговор.

Гарольд тихо усмехнулся.

— Так мне не уезжать?

— Решать тебе. Иногда человеку действительно полезно сменить место. Но, Гарольд... — Дэниел слегка наклонился вперёд. — Новый город не сможет сделать за тебя новую жизнь. Причина твоих неудач не в Гринвуде. Ты словно всё время убегаешь от самого себя. Как думаешь, чего тебе на самом деле не хватает?

Гарольд задумался и снова дёрнул себя за волосы.

— Знаете, ещё какое-то время назад я бы сказал, что хочу успешный бизнес, дружную семью, детей, собаку... — В голосе Гарольда звучали неуверенность и усталость. — Но сейчас я уже не могу так сказать. Я устал.

— А как насчёт того, чтобы начать просто жить вместо бесконечного построения планов на будущее?

Гарольд задумчиво молчал.

Дэниел внимательно посмотрел на него, а затем неожиданно кивнул:

— Хорошо. Тогда у меня есть для тебя задание перед переездом!

Гарольд устало поднял глаза.

— Какое ещё задание?

— Поживи три месяца без всяких идей.

— Что?..

— Ни бизнеса. Ни кофейни. Ни книги. Ни фермы с альпаками, о которой ты говорил прошлой зимой.

— Я не говорил про альпак.

— Гарольд, ты два часа рассказывал мне, что «ферма с альпаками очень перспективная идея».

Гарольд тихо простонал и снова дёрнул себя за волосы.

— И что мне делать эти три месяца?

Дэниел пожал плечами.

— Мой посуду, спи по ночам, больше гуляй, занимайся спортом, читай книги, начни изучать язык, в конце концов закончи хотя бы одно из тех дел, которые когда-то бросил... В общем, попробуй пожить как обычный человек, не заботясь каждую минуту о своём «успешном» будущем.

На несколько секунд повисла тишина.

А потом Гарольд неожиданно рассмеялся:

— Знаете, отец Дэниел... кажется, я наконец понял, чего мне всё это время не хватало: вкуса к жизни. Я просто пропускал её, пока пытался чего-то достичь. А разве нельзя просто жить? — Гарольд произнёс это с таким открытием в голосе, будто только что самостоятельно вывел новую формулу, и по его лицу уже было видно, что внутри начинает рождаться очередной план.

Через минуту дверь кабинета распахнулась так резко, будто Гарольда выпустили на свободу после долгого заключения.

Он буквально вылетел в коридор с совершенно другим лицом, оживлённым и растрёпанным ещё сильнее прежнего и почему-то очень счастливым.

Мисс Бетти Харпер прищурилась поверх своих очков.

— Господи... — пробормотала она. — Он чего такой до-вольный?

Гарольд, проходя мимо них, вдруг остановился и с неожиданной серьёзностью объявил:

— Всё! С понедельника начинаю новую жизнь!

В коридоре повисла короткая тишина.

А потом из-за двери кабинета раздался спокойный голос отца Дэниела:

— Гарольд, мы же только что договорились, что ты перестанешь планировать!

Очередь взорвалась смехом, а сам Гарольд рассмеялся громче всех и почти вприпрыжку выбежал из церкви, впервые за долгое время выглядя по-настоящему живым.

Лишь Коллинз, бывший школьный инспектор и частый посетитель церковных служб, пробормотал:

— После такой беседы человек вообще-то должен задуматься, а не выбегать отсюда как после циркового представления.

— Он десять лет думал и откладывал жизнь. Видите, к чему это привело? — услышав слова Коллинза, ответила Бетти.

Коллинз бросил на неё короткий недовольный взгляд и вышел из церкви. Бетти знала его сварливый нрав и не придавала этому особого значения.

Следующей — и, как надеялся Дэниел, последней — во-

шла миссис Портер. Её непосредственность и простота всегда немного забавляли его. Мэри удобно устроилась на скрипучем стуле, тяжело вздохнула и сказала:

— Отец Дэниел, — начала она, — у меня проблема.

— Прекрасно, — сказал он. — Я как раз переживал, что что-то сегодня слишком спокойно.

Она улыбнулась, но в глазах было что-то другое.

— У меня дома пустота и тишина! — тихо сказала она.

Он кивнул.

— Так это же здорово! Есть время для медитаций и место для новой мебели! — подшутил Дэниел.

Миссис Портер посмотрела на него так серьёзно, что Дэниел тут же смягчил улыбку и продолжил:

— А, вы про отъезд детей?

— Да... — она вздохнула. — И я понимаю, что это нормально. Я даже горжусь ими. Но... стало тихо. Слишком тихо. Иногда я ловлю себя на том, что разговариваю с котом.

— И что он отвечает? — серьёзно спросил он.

— Что-то на своём, но это неважно, — усмехнулась она.

— Значит, до серьёзной стадии вы ещё не дошли, — сказал он. — Когда кот заговорит с вами на понятном английском, срочно бегите ко мне.

Она рассмеялась, но тут же снова стала серьёзной.

— Я чувствую... пустоту. Как будто я больше никому не нужна.

Он посмотрел на неё внимательно.

— Вы правда думаете, что ваша значимость измерялась количеством людей в доме?

— Ну... раньше я постоянно была кому-то нужна. То детей отвезти, то забрать, потом домашние задания, спортивные секции, семейные поездки... Ах, как мне этого не хватает.

— А сейчас у вас появилась проблема, — сказал он. — У вас слишком много свободного времени!

— Вы так думаете?

— Да. И вы не знаете, чем его заполнить, судя по всему. Потому что раньше всё было занято детьми, заботами и рыбой.

— Рыба была и остаётся важной частью нашей с Марком жизни, — с иронией сказала она.

— Я не сомневаюсь, — кивнул он. — Особенно если она поджарена во фритюре до хрустящей корочки... мм...

Она снова улыбнулась.

— А если серьёзно?

— А если серьёзно, — мягко сказал он, — вы не потеряли смысл. Вы просто впервые за много лет остались наедине с собой и не знаете, чем заполнить освободившееся место. Может быть, сейчас как раз самое время спросить, чего хочется именно вам. Детям вы уже отдали очень много. Теперь можно немного пожить и для себя.

Она засмеялась сквозь слёзы.

— Я боюсь, что просто не знаю, что мне нравится и чего

мне хочется, — призналась миссис Портер, опустив глаза с грустной улыбкой.

— Великолепно.

— Что тут великолепного?

— Обычно люди понимают это только к девяноста годам или после третьего брака.

Миссис Портер не смогла удержать смех. Её пухлые щёки порозовели, а спустя минуту она уже задумалась.

— А если я так и не найду, что люблю?

— Миссис Портер, в вашем возрасте люди начинают выращивать растения, танцевать танго или отправляться с супругом в путешествия. В общем, делают всё то, на что раньше не хватало времени, пока дети были маленькими.

— А знаете, вы правы. Я подумаю об этом, — усмехнулась она. — И о растениеводстве, и о путешествиях, хотя Марка никуда не вытащишь из дома.

— Самое главное у вас уже есть — вы сами. Не забывайте об этом. Чтобы стать счастливее, необязательно немедленно привлекать к этому кого-то ещё, хотя хорошая компания, конечно, бывает приятным бонусом.

После этих слов она рассмеялась и не спеша вышла, явно унося с собой новую мысль.

А отец Дэниел остался сидеть, слегка покачивая головой, как будто каждый раз удивлялся одному и тому же: насколько людям легче становится, когда они начинают смотреть на жизнь под новым углом.

Глава 6

Первая встреча

Осень в Гринвуде никогда не приходила резко, как это бывает в больших городах, где люди замечают смену времени года лишь потому, что начинают мёрзнуть по утрам и раздражённо искать прошлогодний шарф. Здесь она появлялась постепенно: красные листья клёнов собирались тонким ковром вдоль центральной улицы, вечера становились длиннее и прохладнее, а окна домов всё раньше светились золотистым светом ламп. Люди доставали тёплые пледы, пекли пироги, обсуждали погоду и задерживались на верандах с чашками горячего какао, наблюдая, как листья кружатся в воздухе.

Но настоящим началом осени в Гринвуде всегда считалась ежегодная ярмарка.

К этому событию город готовился с таким воодушевлением, будто речь шла не о нескольких торговых рядах и музыкальных выступлениях, а как минимум о приезде королевской семьи. За несколько дней до ярмарки жители украшали улицы венками из сухих листьев, тыквами, лентами и фонариками, а на центральной площади появлялись деревянные лавки, от которых с самого утра пахло карамелью, корицей, жареными орехами и чем-то удивительно домашним.

В тот день Гринвуд выглядел особенно красиво. Воздух был прозрачным и прохладным, небо казалось выше обычного, деревья горели красными и золотыми красками, а ветер

время от времени подхватывал листья с тротуаров и ненадолго возвращал их в воздух.

Отец Дэниел шёл по центральной улице неторопливо, засунув руки в карманы тёмного пальто, и почти каждые несколько шагов кто-нибудь окликал его.

— Отец Дэниел! Не проходите мимо, попробуйте мой яблочный пирог!

— Если я попробую всё, что мне сегодня предлагают, — отвечал он с улыбкой, — к вечеру вход в церковь придётся расширить.

Люди смеялись.

— Отец Дэниел, как вам моя тыква?

Он остановился, внимательно посмотрел на огромную оранжевую тыкву и серьёзно произнёс:

— Которая? Та круглая оранжевая? — с иронией ответил он.

— Я серьёзно спрашиваю!

— А я, между прочим, серьёзно отвечаю, — с улыбкой сказал Дэниел.

Женщина покачала головой, но улыбнулась.

Жители Гринвуда любили разговаривать с ним так, будто он был одновременно священником, старым другом и слегка непутёвым родственником, который постоянно шутит за семейным столом. Дэниел никогда не создавал вокруг себя ощущения церковной дистанции: рядом с ним люди становились свободнее, в них просыпались задор и лёгкость.

На площади играла музыка. Несколько пожилых пар медленно танцевали возле сцены, а дети бегали между лавками с карамельными яблоками в руках, оставляя за собой липкие следы на одежде друг друга.

Дэниел остановился возле одной из лавок, где дети продавали маленькие осенние поделки: венки, расписные свечи, фигурки из дерева и крошечные стеклянные баночки с засушенными листьями внутри. Над столом висела неровная табличка, явно написанная детской рукой, и именно своей неровностью она почему-то выглядела особенно трогательно.

Он взял со стола маленькую стеклянную баночку, украшенную разноцветными бусинами, внутри которой лежали красные засушенные листья.

— И что это?

— Мы назвали её просто «Осень в Гринвуде», — серьёзно сказал один из детей. — Десять долларов.

— Десять? — переспросил Дэниел. — За банку с листьями?

— Но она красивая, — нахмурился мальчик.

Дэниел посмотрел на баночку ещё раз.

Сквозь тонкое стекло солнечный свет проходил так, что листья внутри казались почти золотыми.

— Это правда, — признался он. — Мне нравится.

Он достал деньги.

— Заворачивайте.

Рядом стояла молодая женщина.

До этого момента Дэниел её почти не замечал, но теперь почему-то задержал взгляд.

Дэниел заметил её не сразу, но взгляд всё равно задержался. На женщине было длинное тёплое пальто цвета тёмной карамели и мягкий зелёный шарф, который ветер всё время пытался сдвинуть с плеч. Она спокойно и терпеливо улыбалась детям, время от времени поправляя выбившуюся рыжую прядь, а в её движениях чувствовалась та естественная мягкость, которая бывает у людей, действительно любящих работать с детьми.

— Вы, должно быть, новая учительница, — сказал Дэниел, делая вид, что его чрезвычайно заинтересовала деревянная фигурка лисы, выкрашенная в слишком яркий оранжевый цвет.

Она подняла на него глаза, и Дэниел внезапно почувствовал, как щёки предательски нагреваются. «Что происходит?» — с удивлением подумал он.

— А вы, должно быть, тот самый священник, о котором здесь говорят чаще, чем о погоде, — ответила она с лёгкой улыбкой, заметив его смущение.

— Надеюсь, хотя бы не хуже, чем о погоде, ведь с ней в Гринвуде дела не очень.

Она тихо рассмеялась, и этот смех оказался неожиданно лёгким, без привычного желания понравиться.

Он всё ещё держал в руках маленькую стеклянную баноч-

ку с листьями, разглядывая, как солнечный свет сквозь тонкое стекло окрашивает его пальцы в тёплый янтарный оттенок. Вокруг продолжала шуметь ярмарка: кто-то смеялся слишком громко, а дети носились между лавками.

Молодая женщина стояла рядом спокойно и легко, без попытки казаться интереснее, чем она есть, и именно это почему-то сразу располагало к ней. В маленьких городах люди часто старались производить впечатление: быть слишком приветливыми, например. В ней же не было этой нарочитости.

Дэниел слегка приподнял баночку.

— Значит, это официально самая дорогая осень, которую я когда-либо покупал, — усмехнулся он.

— Вам ещё повезло, — ответила она с улыбкой. — Дети хотели поставить цену выше.

Он тихо рассмеялся.

Она посмотрела на него внимательнее, словно пыталась сопоставить человека с тем количеством историй, которое уже успела услышать о нём за свои первые недели в городе.

— Значит, вы и есть отец Дэниел.

Он чуть склонил голову.

— Боюсь, да. Хотя иногда мне кажется, что половина города представляет меня гораздо веселее, чем я есть на самом деле.

— Судя по разговорам, вы здесь местная знаменитость.

— Скорее местная достопримечательность, — улыбнулся

Дэниел.

Она рассмеялась уже свободнее, и смех её оказался удивительно тёплым, без резкости и без желания произвести впечатление.

Несколько секунд они стояли молча, наблюдая за детьми возле лавки, и в этой паузе не было неловкости. Только ощущение спокойствия, которое иногда неожиданно возникает между двумя людьми ещё до того, как они толком познакомились.

Наконец она протянула ему руку.

— Эмили Картер. Я недавно переехала в Гринвуд и теперь работаю в местной школе.

Её ладонь была прохладной от осеннего воздуха.

— Дэниел Уокер, — ответил он с лёгкой улыбкой, пожимая её руку. — Хотя, как вы уже заметили, здесь редко используют фамилии. В маленьких городах все свои, поэтому формальности долго не живут.

— Я начинаю это понимать.

— И как вам Гринвуд?

Она огляделась вокруг. На площадь как раз упали особенно яркие лучи вечернего солнца, и весь город вдруг стал похож на старую открытку.

— Честно? — сказала она тихо. — Такое ощущение, будто я случайно попала внутрь фильма, где все знакомы друг с другом и живут общими ценностями.

— Не переживайте, — кивнул Дэниел. — Через пару

недель и вы сольётесь с местным колоритом: начнёте печь пироги и обсуждать соседей за чашкой чая.

Она улыбнулась.

— А вы всегда так разговариваете? — с улыбкой спросила Эмили.

— К сожалению, да. Это уже невозможно вылечить.

В этот момент один из детей важно объявил, что рабочий день окончен: они «слишком устали быть предпринимателями». Эмили рассмеялась и тут же присела рядом, помогая собрать оставшиеся поделки.

Дэниел уже сделал несколько шагов в сторону площади, но затем остановился и, словно вспомнив что-то важное, снова обернулся.

— Кстати... — произнёс он чуть небрежнее, чем хотел. — Раз уж вы теперь официально житель Гринвуда, вам стоит хотя бы раз прийти на воскресную службу.

Она приподняла брови.

— Это приглашение?

— Да. И возможность познакомиться сразу с половиной города. Остальная половина потом сама найдёт вас.

— Опасное место.

Он негромко рассмеялся, а она посмотрела на него с лёгкой улыбкой, и в её взгляде мелькнуло что-то мягкое, почти задумчивое.

— Тогда, думаю, мне стоит прийти.

Дэниел кивнул, ощущая внутри совершенно нелепое удо-

влетворение от её ответа, а затем пошёл дальше через шумную площадь, среди смеха, музыки, запаха корицы и золотых листьев, которые ветер продолжал кружить над Гринвудом.

В руке он всё ещё держал маленькую баночку с засушенными листьями. «Странная покупка», — подумал он. И почему-то ему казалось, что именно сегодня она была ему нужна.

Вечером он поставил баночку на стол у окна, а потом ещё долго удивлялся тому, почему обычная осенняя ярмарка этого года вдруг показалась ему важнее всех предыдущих.

Глава 7

История Эмили

Эмили Картер появилась в Гринвуде в начале сентября, именно в то время, когда осень только начинала осторожно подкрадываться к улицам города запахом дождя, яблок и прохладных вечеров.

Она приехала ранним утром на стареньком серебристом автомобиле. В багажнике лежали коробки с книгами, тёплый плед, несколько кружек, одна чудом пережившая переезд комнатная пальма и всё то, во что каким-то странным образом уместилась её прежняя жизнь.

Гринвуд встретил её спокойной, живой тишиной маленького города, где люди не торопятся и умеют замечать утро.

Эмили остановилась возле небольшого дома, который школа временно предоставила ей как новой учительнице, выключила двигатель и несколько секунд просто сидела

неподвижно, положив руки на руль.

— Ну что, Эмили Картер... — тихо сказала она самой себе. — Поздравляю. Ты официально начала жизнь заново.

Впервые за долгое время эти слова не прозвучали грустно. Ей было двадцать пять. Совсем недавно Эмили окончила педагогический университет, и если бы кто-нибудь несколько лет назад сказал, что после выпуска она окажется в маленьком городе, о существовании которого большинство людей даже не слышало, она бы рассмеялась. Тогда ей казалось, что жизнь обязательно должна быть большой, шумной и впечатляющей. Хотелось яркого будущего, красивой карьеры и отношений, похожих на фильмы, где люди смотрят друг на друга так, будто весь мир лежит у их ног.

Расставание прошло без громких скандалов, предательств и красивых драм, о которых потом рассказывают подругам за бокалом вина. Всё закончилось гораздо тише и, наверное, именно поэтому оказалось не таким болезненным.

Они просто постепенно перестали понимать друг друга. Эмили хотелось лёгкости: разговоров по вечерам, спонтанных прогулок, смеха без причины, ощущения жизни, в которой люди не только строят планы на будущее, но и умеют радоваться мелочам.

А её парень всё больше жил работой. Постоянно уставший, серьёзный и мысленно где-то далеко, он говорил о графиках, перспективах и бесконечных делах так, будто жизнь состояла только из выполнения планов и поставленных за-

дач. В ней почти не оставалось места для спонтанности и лёгкости.

Иногда Эмили ловила себя на мысли, что рядом с ним ей становится... скучно.

Он был хорошим человеком, просто слишком взрослым для своих двадцати с небольшим.

Он любил стабильность, а она любила жизнь.

Сначала они пытались подстроиться друг под друга. Она старалась быть серьёзнее, не обижаться на его вечную занятость и не расстраиваться из-за отменённых встреч. Он, в свою очередь, честно пытался находить время для неё, но делал это так, будто втискивал любовь между рабочими задачами.

В какой-то момент они оба устали.

Однажды вечером, сидя в маленьком кафе возле университета, они вдруг поняли простую вещь: иногда пути людей расходятся не потому, что кто-то сделал что-то ужасное, а потому, что каждый постепенно выбирает своё направление. Особой пылкой любви между ними, если честно, никогда и не было.

После расставания Эмили долго ходила по городу с чувством, будто жизнь внезапно свернула куда-то не туда. Но когда университет предложил ей работу в маленьком городке под названием Гринвуд, она неожиданно согласилась почти сразу.

Возможно, потому, что внутри Эмили давно чувствовала-

ла: ей нужно уехать туда, где всё можно начать с чистого листа. Её привлекала сама возможность перемен, которых она слишком долго ждала.

Первые дни в городе казались ей одновременно странными и удивительно тёплыми.

В Гринвуде люди обладали удивительным талантом — они умели знать о жизни друг друга почти всё и при этом делать вид, что это происходит совершенно случайно. Здесь невозможно было просто выйти за хлебом и остаться незамеченным. Уже через пять минут кто-нибудь обязательно интересовался, как ты устроился, не холодно ли тебе в новом доме и правда ли, что учителя из больших городов предпочитают пить кофе без сахара.

К концу первой недели Эмили неожиданно для себя уже прекрасно ориентировалась не только в улицах города, но и в историях жизни местных жителей.

Она знала, что лучший яблочный пирог печёт миссис Бетти Харпер, хотя сама миссис Портер категорически с этим не соглашалась и называла её тесто «излишне плотным».

Знала, что почтальон боится рыжего пса семьи Гринов.

И, конечно, уже успела услышать легендарную историю о том, как Роуз почти сорок минут спорила с продавщицей тканей о выборе цвета к её новому платью.

Самое удивительное заключалось в том, что жители Гринвуда рассказывали всё это не из злости и даже не из любопытства. Просто в этом городе чужая жизнь давно стала чем-

то вроде общего семейного сериала, который все смотрели с искренним участием.

В первый же день соседка принесла ей яблочный пирог, а пожилой мужчина через дорогу помог донести коробки, хотя Эмили была почти уверена, что сама справилась бы быстрее.

— В Гринвуде помогать друг другу — традиция, — объяснил он. — Так что привыкайте и не сопротивляйтесь.

И она рассмеялась.

Вообще Эмили смеялась легко. Настолько легко, что иногда люди рядом начинали улыбаться ещё до того, как понимали шутку. У неё был редкий характер: рядом с ней чужие заботы будто ненадолго становились легче.

Даже в сложные моменты она умела находить что-то живое и смешное.

На второй рабочий день прямо посреди урока школьный проектор неожиданно зашипел, мигнул несколько раз и выпустил тонкую струйку дыма.

Дети испуганно заёрзали за партами, кто-то вскрикнул, а один мальчик на последнем ряду уже смотрел на происходящее с таким восторгом, будто урок внезапно превратился в фильм-катастрофу.

Эмили несколько секунд молча наблюдала за дымящимся проектором, затем медленно сложила руки на груди и с абсолютно серьёзным видом произнесла:

— Ну всё. Похоже, проектор против такого количества домашнего задания. Так что на сегодня вы свободны.

Дети расхохотались и громко начали собирать свои вещи. Они полюбили её почти сразу.

Наверное, потому, что Эмили разговаривала с детьми как с людьми, а не как с существами, которых нужно бесконечно воспитывать и наставлять. Она умела слушать их истории с таким вниманием, будто рассказ о потерянном карандаше действительно был важным событием. Она позволяла детям немного шалить и не превращала каждую мелкую проделку в педагогическую катастрофу.

Эмили запоминала интересы каждого, и дети чувствовали это.

По вечерам она возвращалась домой уставшая, растрёпанная и счастливая. Она открывала окна, слушала сверчков, пила чай в старой растянутой футболке и впервые за долгое время не чувствовала необходимости кому-то что-то доказывать.

Этот маленький городок не требовал от неё быть идеальной, и, возможно, именно поэтому здесь становилось легче дышать.

Иногда, проходя вечером по тихим улицам, Эмили ловила себя на странной мысли.

Может быть, люди не всегда теряются в жизни потому, что всё должно разрушиться.

Иногда они теряются только затем, чтобы однажды случайно приехать в маленький город, пахнувший пирогами и осенними листьями, и наконец снова найти себя.

Глава 8

Принятие судьбоносного решения

Дэниел проснулся раньше будильника. Несколько секунд он просто лежал, глядя в потолок, и пытался понять, почему проснулся так рано. За окном ещё только начинало светать. Осеннее утро медленно пробивалось сквозь занавески, окрашивая комнату в холодный сероватый цвет.

Он перевернулся на бок, потёр лицо ладонями и тяжело вздохнул. Сегодня была воскресная служба. Обычно эта мысль вызывала у него привычную улыбку. Но сегодня — почему-то нет.

Дэниел сел на кровати и некоторое время смотрел на свои руки. Потом встал, натянул домашнюю одежду и вышел из комнаты.

На кухне было тихо. Дэниел поставил кофейник, достал чашку и стоял у окна, пока кофе наполнял комнату тёплым горьковатым ароматом.

За стеклом потихоньку просыпался город.

Дэниел сделал глоток кофе.

— Ну что, великий отец Дэниел, — тихо сказал он самому себе, — ещё один день спасения душ человечества?

Он усмехнулся, но улыбка быстро исчезла.

В последние дни он всё чаще ловил себя на том, что шутки помогают ему скрывать собственные мысли.

— Доброе утро.

Он обернулся.

В дверях кухни стоял его отец, Роберт Уокер. Как и почти каждое воскресенье, он выглядел аккуратным, спокойным и собранным. На нём уже была светлая рубашка, а в руках он держал книгу, которую, судя по всему, собирался взять с собой в церковь.

— Доброе утро, пап.

— Доброе утро.

Через несколько минут на кухне появилась Маргарет. Она поздоровалась с обоими, поставила на стол чашки и принялась накрывать завтрак, привычно чувствуя напряжение между мужем и сыном ещё до того, как кто-нибудь успел произнести что-нибудь лишнее.

— Садитесь завтракать, пока всё горячее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.